

Николай Добролюбов

**Буддизм, его догматы,
история и литература...**

Буддизм, рассматриваемый в...

Николай Александрович Добролюбов
Буддизм, его догматы,
история и литература...
Буддизм, рассматриваемый в
отношении к последователям
его, обитающим в Сибири

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3117445

Аннотация

«...Переворот в религиозно-нравственных убеждениях ознаменовывается обыкновенно явлением мудрого проповедника, который возвещает новые правила жизни, поражая всех возвышенностью своей морали, необычайным терпением в борьбе с закоснелым невежеством и суеверием и т. п. Последователи его составляют новую систему учения, присоединяя к речам проповедника свои собственные мудрования. Проходят столетия; лицо преобразователя покрывается таинственным мраком; благоговение возводит его в ряд неземных существ и делает его предметом набожного поклонения. Вместе с тем является целый ряд обязанностей и

обрядовых действий собственно в отношении к боготворимому лицу. Такова в общих чертах и история буддизма...»

Содержание

Примечания

30

**Николай Александрович
Добролюбов
Буддизм, его догматы,
история и литература...
Буддизм, рассматриваемый
в отношении к
последователям его,
обитающим в Сибири**

*Часть первая. Общее обозрение. Сочинение
В. Васильева, профессора китайского языка при
императорском С.-Петербургском университете
СПб., 1857*

*Буддизм, рассматриваемый в отношении к
последователям его, обитающим в Сибири.
Сочинение Нила, архиепископа ярославского. СПб.,
1858*

Первые нравственно-религиозные понятия у каждого народа слагаются обыкновенно под влиянием поражающих явлений природы. Необразованный ум, будучи не в состоянии

объяснить их путем естественным, вдается в самые нелепые толкования, приписывая всё действию какой-то сверхъестественной силы.¹ Вместе с безотчетным страхом возникает мысль о жертвах как средствах умилоствления разгневанного божества. Мало-помалу жертвенники превращаются в храмы, а самые жертвоприношения в довольно сложные церемонии с таинственным значением. Жрецы из обыкновенных смертных делаются посредниками между божеством и людьми, самовластно распоряжаются свободой боязливых невежд, прикрывая собственный произвол волею богов; предписывают правила морали, составляют целую нравственно-религиозную систему, которой народ держится до тех пор, пока наплыв новых понятий не поколеблет дряхлых основ ее. Переворот в религиозно-нравственных убеждениях ознаменовывается обыкновенно явлением мудрого проповедника, который возвещает новые правила жизни, поражая всех возвышенностью своей морали, необычайным терпением в борьбе с закослелым невежеством и суеверием и т. п. Последователи его составляют новую систему учения, присоединяя к речам проповедника свои собственные муд-

¹ Так, по понятиям буддистов, сокрушительные громы и молнии происходят иногда от раздраженного Будды, иногда находятся в тесной связи с войною, которую ведут между собою добрые и злые духи, а иногда гром есть не что иное, как звук чудовищного барабана, в который бьет злой дух Асури, гневаясь на людей и стараясь воспрепятствовать дождю пролиться на землю. Подобным же образом объясняются землетрясения, бури и пр. (См. «Буддизм» арх. Нила, статья о небесных телах и явлениях, в мире нашем происходящих.)

рования. Проходят столетия; лицо преобразователя покрывается таинственным мраком; благоговение возводит его в ряд неземных существ и делает его предметом набожного поклонения. Вместе с тем является целый ряд обязанностей и обрядовых действий собственно в отношении к боготворимому лицу.

Такова в общих чертах и история буддизма. Если в буддийских священных книгах мы не находим никаких известий о начале религиозных понятий у народов Средней Азии, то это не дает права думать, что первые начала религии возникли у них при других каких-нибудь условиях помимо невежества и детского страха. Притом странно было бы искать первых известий о начале веры в священных книгах какого бы то ни было народа, точно так же как странно было бы требовать от каждого из нас, чтобы он рассказал о своем рождении и первых днях детства. Да если бы какое-нибудь темное предание и сохранило сведения об истинном происхождении религии у того или другого народа, то дальновидные жрецы никак не внесли бы их в свои священные книги, потому что правдивый рассказ мог бы подорвать уважение к вере или по крайней мере породить сомнение в поколении более зрелом.

В буддийских священных книгах мы мало встречаем известий даже вообще о состоянии язычества у народов Средней Азии до появления Шакьямуни. Почти все сказания буддийских писателей сосредоточиваются около этого лица и не

заходят далее времени его появления. Позднейшие буддисты обратили даже это временное явление (явление такого учителя, каков Шакьямуни) в исконный догмат своей веры, не допускающей даже и мысли о том, что когда-либо существовала религия, отличная от той, которую проповедывал этот учитель. Они утверждают, что даже прежде появления мира в настоящем его устройстве то же самое учение исповедывали обитатели миров предшествовавших, что Будда от вечности воплощался и что Шакьямуни есть один из бесчисленного множества Будд, явившихся и имеющих явиться в мире.

Шакьямуни,² или Шигемуни, – лицо не вымышленное. Он происходил из царского рода Шакья, имевшего владения неподалеку от Непала. Что же касается до истории его жизни, то она полна вымыслов и различными легендами передается различно. Хинаянические, то есть древнейшие, легенды ближе к правдоподобию, чем легенды махаянические, позднейшие, в которых лицо основателя буддизма погружено в глубокий мистицизм и совершенно потеряло уже всякую связь с историей. Сводя в одно целое все хинаянические легенды, мы получаем следующие сведения о жизни буддийского учителя. Рождение Шакьямуни, как лица, выходящего из-под уровня простых смертных, по понятиям его последователей, не могло быть обыкновенным, и индийская фантазия украсила его чудесами. В первые годы своей земной

² Шакьямуни, то есть отшельник из рода Шакья. Время рождения его точно не известно. По китайским сказаниям, он родился в 1027 году до р. Хр.

жизни Шакьямуни получает различные предсказания, учится наукам и искусствам и превосходит всех своих сверстников и родных обширными знаниями и необычайным умом («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 9). После женитьбы Шакьямуни скоро убеждается в ничтожестве всего земного и под влиянием этого убеждения покидает свою родину, жену, бросает великолепное платье, обривает себе голову и отправляется к анахоретам с целью отыскания у них истинного пути к счастью, но скоро оставляет их, находя неудовлетворительными их мысли и образ жизни, и решается сам искать себе дороги. Он поселяется на берегах реки Ниранджаны, где шесть лет проводит в строгом подвижничестве и созерцании. Наконец, когда он увидел, что и это ни к чему не ведет, оставляет свое уединение, обмывается, принимает пищу и, отойдя несколько шагов, прозревает и делается Буддой. После этого Шакьямуни выступает на проповедь, ходит из места в место, творит чудеса и учением о *четырёх истинах* приобретает себе многих последователей, в том числе и царей («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 13). Но как человек, одаренный высшим даром пророчества, он в то же время с скорбью предрекает имеющие впоследствии произойти разделения и раздоры в основанном им религиозном обществе («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 21). Между обращенными некоторые были особенно близки к Будде и составляли общество его учеников. Из них двое были более других любимы им и впоследствии ревностно подвизались в деле

распространения буддизма. В числе учеников находились и родственники Будды («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 24). Кроме этих событий из жизни основателя буддизма, согласно передаваемых почти всеми хинаяническими легендами, некоторые из них приписывают ему множество других деяний, в которых гораздо менее правдоподобия. Так, по известиям этих легенд, Будда нисходил во ад, возносился на небо и т. п. Что касается до смерти Будды, то все легенды согласны в том, что он умер и тем прекратил свое стихийное существование.

Такова земная жизнь Будды, по сказаниям хинаянических легенд. Махаянисты пошли еще далее в деле вымыслов. Они учат, что не Шакьямуни возвысился до Будды, а что Будда снизошел на землю и воплотился в Шакьямуни. Равным образом они иначе смотрят и на смерть Будды. Допуская, что он, совершив свое дело на земле, оставил мир и погрузился в безмолвный покой, махаянисты в то же время веруют, что Будда и теперь имеет нечто вроде сканд, тончайшее тело («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 12). Мистики не остановились и на этом. Они думают, что не один только Шакьямуни сделался Буддой, но что и прежде него был бесконечный ряд Будд в различных мирах, и что все эти Будды проповедывали то же самое учение, которое проповедывал и Шакьямуни, – что и после него будут являться Будды до самого окончания мира, и что Майтрея, будущий Будда, наместник Шакьямуни, теперь находится в звании бодисатвы и ждет своей

очереди, и что он не раз пособлял ученикам своего предшественника в объяснении его учения.

По смерти Будды ученики его собрались на сбор в Магаде, на котором составлен был краткий символ буддийской веры («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 37). Общество буддистов стало быстро распространяться в различных странах, находя добровольный и радушный прием у жителей. Но вскоре, согласно предсказанию самого учителя, стали возникать ереси вследствие произвольного толкования некоторых пунктов учения. Нужно было уничтожить возникшие недоумения. Для этого собрано было несколько соборов. На этих соборах судили еретиков, разбирали противоречия в мнениях и, наконец, составили новый обширнейший символ веры («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 34).

Такая заботливость ближайших последователей Будды о сохранении единства веры не могла, впрочем, совершенно уничтожить разделения в их религиозном обществе. Она соединила только 18 школ, образовавшихся во время первых споров, в две религиозно-философские секты: вайбашиков и саутрантиков. В настоящее время буддизм делится на две секты: фоистов и лам. Первая удержалась в Китае, а последняя в Индии, Тибете и Монголии. Различие между ними состоит в том, что одна из них имеет иерархию, а другая нет.

Изложив в общих чертах биографию Шакьямуни и судьбу его учения, обратимся теперь к рассмотрению главнейших

черт буддийской догматики и морали.³

При всей темноте и неопределенности, которыми отличается буддийский священный кодекс, видно, что буддист верит в существование верховного начала, которому мир обязан бытием своим. Это существо – Будда в его отвлечении, и ему-то придаются эпитеты безначального и вечного, творца всего видимого и невидимого, источника жизни и начальной причины всякого бытия. Желая проявить свои совершенства в тварях и поделиться с ними своим блаженством, он сотворил сначала множество горних, невещественных миров, известных под именем Нирваны, и населил их высшими существами; а затем приступил к творению видимого мира, употребив началом для него райский цветок. Этот мир предназначил он в жилище существам менее совершенным. Положив основание вселенной, Всевышний погрузился в покой, предоставив дело дальнейшего устройства мира двум гениям – Манджушири и Ариоболо, которые родились из света его правого глаза. Творческая сила первого из них образовала в пустых пространствах вселенной густое облако; пролившийся из него дождь произвел водную сферу, поверхность которой мало-помалу отвердела и превратилась в материк. Но эта первоначальная земля была пуста и безобразна. Тогда дохнул бурный дух сансары – и внезапно явились на лице земли моря, горы и растения.

Первыми обитателями видимого мира были тенгерины.

³ Сведения об этом мы будем заимствовать из сочинения арх. Нила.

Духи эти были сначала невинны и блаженны. Но они скоро утратили свои первобытные совершенства, употребив в пищу для себя такие вещества, которые не соответствовали их духовной природе, и сделались рабами грубой чувственности. Такое поведение их не могло, разумеется, укрыться от всевидящего ока Будды. Он приказал Ариоболо посмотреть, что делается на земле, и этот гений с горестию увидел, что духи, как снег, падали с высоты своего величия, увлекаемые злосчастным роком. Чтобы обуздать своевольных тенгеринов, всевышний, испустил из своего тела шесть светов, из которых произошли шесть правителей и наставников, и им поручена была власть над падшими духами. А так как огрубелая натура последних требовала уже новых условий для жизни, то прежде всего положено было дать бытие внешнему свету, вследствие чего явились на тверди небесной солнце, луна и звезды. Несчастные тенгерины, для достижения прежнего блаженного состояния, должны были вступить теперь на путь перерождений и переселений. Чтобы восполнить пустоту, образовавшуюся на земле после падения тенгеринов, Будда произвел из света левой ладони своей новое существо – бодисатву и назвал его Мандзой. Так как Мандза должен был принять на себя важную обязанность – быть спешником богов в распространении человеческого рода, то ему надлежало подвергнуться предварительному испытанию. И вот, по указанию Будды, он отправляется в северные страны и там проводит пустынный жизнь среди без-

молвия девственной природы. Испытание начинается тем, что к нему приходит дева гор, Ракчиса, и просит его быть ее супругом. Эта неожиданность изумила Мандзу, но не поколебала его твердого духа. Не желая нарушить убашинского обета, он даже не обратил внимания на неведомую посетительницу. Ракчиса, видя, что все старания ее обольстить пустытника остаются напрасными, прибегла к страшным угрозам. Семь суток провел Мандза в тяжком испытании. Наконец он отправился к Будде и поведал ему свое горе. Будда нашел, что домогательство Ракчисы не противоречит его великим планам, и благословил брачный союз первой в мире четы. Мандза получил при этом некоторые обетования. Но этим еще не кончилось испытание. Дети Мандзы с каждым днем становились развратнее, Ракчиса свирепствовала, как самая лютая фурия, и грозила сделаться бичом своего семейства. Мандза вынужден был бежать от нее в другую пустыню, взяв с собою детей. К этим несчастьям скоро присоединилось новое: семейство его, увеличившись до четырехсот душ, не находя средств пропитания, готовилось сделаться жертвою голодной смерти. Такое положение заставило Мандзу снова обратиться к Будде. Будда успокоил его, объявив, что испытание его теперь кончено и что ему остается только терпеливо ожидать исполнения данных ему обещаний. Вместе с этим улучшился и материальный быт его. Мандза пребыл верен богу до конца своей жизни и спокойно переселился в обетованную Нирвану. Потомки его мало-помалу стали

освободиться от грубых пороков, и наконец на земле настал золотой век. Это время ознаменовано было явлением мудрого наставника-хубилгана и избранием царей. Первая династия была Загарвадонов. Люди наслаждались счастьем в это блаженное время. Особенно это можно сказать о царствовании пятого Загарвадона. Этот царь имел тысячу жен, украшенных всеми добродетелями и в особенности отличавшихся гостеприимством. Каждый странник находил в доме их радушный прием. Одно только обстоятельство омрачало счастье Загарвадона: он не имел детей. И вот однажды заходит в царский дворец бедный странник. Гостеприимные жены Загарвадонов принимают его радушно и наделяют щедро милостынею. Странник узнает от них, что они бездетны, и предсказывает, что у каждой из них скоро родится сын. При этом предсказании он плюнул на землю, велел им смешать происшедшее от этого брение с землею, прибавить к нему мазинтосо (род масла), приготовить опресноки и съесть каждой по одному. Через год предсказание странника исполнилось. Вскоре после этого Загарвадон получил откровение, что принятый им странник был не кто иной, как сам Будда. Дети Загарвадона были так же добродетельны, как и отец их, и, по воле Будды, за свои совершенства возведены были на степень богов-мироправителей. Они должны преемственно править миром по нескольку тысячелетий, и в течение этого периода времени мир должен попеременно то клониться к упадку, то обновляться, пока наконец он совсем не разру-

шится. Это событие случится при последнем из мироправителей – Очирвани. Кончине мира будут предшествовать все ужасы нравственного нестроения и страшные знамения. «На небе явятся сперва два солнца, потом четыре, напоследок шестнадцать солнцев. Растения и животные от невыносимого жара погибнут, реки и даже моря иссохнут, земля представит из себя раскаленную печь, а горы станут дышать пламенем. Сила этих явлений сделается чувствительною и для золотой лягушки, этого знаменитого существа, находящегося под Сумбером и охватывающего землю. Животное, заметив оскудение потребной для него влаги, принуждено будет оставить теперешнее свое положение и оборотиться *deorsum*.⁴ С таким оборотом – увы! весь мир пойдет вверх дном» («Буддизм» арх. Нила, стр. 43–44).

Таково историко-догматическое учение буддистов о мире. При обзоре его мы уже имели случай касаться и буддийской феософии; в дополнение к сказанному нами прибавим еще несколько слов.

Буддисты, признавая существование единого бога как основной причины всего существующего и верховного правителя вселенной, в то же время допускают множество низших богов, которые различаются по степеням, составляя собою небесную иерархию. К самой высшей степени принадлежат боги венца. Первое место между ними занимает всемогущий Абида, или Будда; прочие четыре Будды, принадлежащие к

⁴ Вниз (*лат.*). – *Ред.*

этой степени, суть только как бы приближенные Абиды, и хотя превосходят богов всех других степеней, но в то же время далеко уступают верховному властителю; они не имеют даже всех божеских совершенств, которые совмещаются в одном только Абиде. Вторую степень занимают боги-мироправители. Некоторые из этих богов уже приходили и правили вселенной, а некоторые еще имеют прийти. Пришедших богов считается семь, и все они пользуются преимущественным почтением пред богами, имеющими прийти. В настоящую эпоху правит миром Шакьямуни. К этому же разряду принадлежат и боги – покровители человеческого рода, хотя по своим божеским совершенствам они стоят несколько ниже богов-мироправителей. Наконец, к третьей степени относятся боги более грозные, чем благотворные, для человека. Посредниками между богами и людьми служат тенгерины, или духи всех миров, стран и мест, исключая, впрочем, тех, которые принадлежат к разряду падших и составляют темное царство. Добрые духи рисуются в воображении буддиста благодетельными существами, хранителями человека от враждебных действий злых духов и его ближайшими помощниками и ходатаями. Сюда же должно отнести и тех людей, которые своею святою жизнью стяжали высшие совершенства и переселились в блаженную Нирвану или даже проходят еще длинный ряд перерождений.

Переходим к нравственному учению буддистов. Излагая биографию основателя буддизма, мы уже видели, что он при-

надлежал к числу отшельников, аскетов. Этого же аскетизма он требовал и от своих последователей; основанное им общество есть не что иное, как монашествующее братство, члены которого связаны между собою общим обетом отречения от мира. Вся буддийская мораль опирается на следующих основаниях:

Высочайшее счастье, которым наслаждаются боги и которого отчасти могут достигать и смертные существа, состоит в совершеннейшем покое, который не допускает даже и мысли о какой бы то ни было деятельности. Самая Нирвана, к которой стремится буддист, есть не что иное, как место полного безмолвия. Этого блаженного состояния человек может достигнуть только путем многих перерождений и переселений, а пока он существует в своем первоначальном виде, вся обязанность его состоит в том, чтобы мало-помалу отрешаться от мучительных уз жизни, или так называемой сансары. Понятно, что при таком воззрении первоначального буддиста на цель человеческой жизни не могло быть даже и помину о добродетели, которая, с одной стороны, предполагает деятельность, а с другой – внешний предмет, на который обращается эта деятельность. Поступающий в новое общество не обязывался делать что-нибудь доброе; он давал только обет – не делать того или другого. Позднейшие буддисты, развивая все более и более это учение, пришли наконец к той мысли, что мир не потому должен быть предметом отвержения, что он мучителен, а потому, что он пуст и что в нем нет ни од-

ного предмета, на котором ум наш мог бы сосредоточиться и успокоиться. Поэтому нужно возноситься умом в высшую область, в область чистого разума, и там искать успокоения. Но, чтобы быть способным к этим выпрненным созерцаниям, для этого необходимо наперед очистить свое духовное око и приобрести высший навык к самоуглублению. А для этого недостаточно уже только удерживаться от всего дурного: необходимо иметь положительные умственные и нравственные совершенства. Таким образом, буддисты незаметно пришли к убеждению в необходимости добродетели. Это убеждение должно было подвинуть вперед буддийскую мораль и сообщить ей более жизненности. Теперь в первый раз уяснились отношения человека к обществу. Прежний буддист не обязывался помогать ближнему, да и не имел ничего, что бы он мог дать ему; равным образом и сам старался по возможности ничего не принимать от других, кроме необходимого подаяния. Настоящий буддист, напротив того, ничего не щадит для ближнего; он готов пожертвовать не только имуществом, но даже жизнью, лишь бы сделать ему добро. Новейший буддизм гордится уже не одним человеколюбием; он созидает учение *о любви и милосердии* и поставляет их отличительным характером своих последователей («Буддизм» Васильева, ч. 1, стр. 124).

Все нравственные обязанности, которые буддизм налагает на своего последователя, подводятся под три главные категории: обязанности в отношении к богам, обязанности к

людям и ко всем живущим в мире тварям и, наконец, обязанности к самому себе. В отношении к богам буддизм предписывает следующие правила: о богах должно рассуждать с благоговением и вместе со всеми разумными тварями воздавать им хвалу, «прославляя их не только устами, но и делами». «Должно помнить, что боги суть чистые существа, а потому, кто хочет быть угоден им, тот должен блюсти в чистоте свой дух и тело». «Тем более должна быть чиста самая жертва, приносимая богам, а действия жертвователя благопристойны». «Должно надеяться на богов, потому что их покровительство превыше всех покровов». В отношении к ближнему и тварям: желай другим благоприятных перерождений, как желаешь их себе; береги жизнь всех тварей; повинуйся властям; «собственные вины обличай, а о чужих храни глубокое молчание; оскорбления переноси с терпением; неистовствующих укрощай благоразумием; болящих утешай; к несчастным будь сострадателен; бедным помогай; согрешающих вразумляй благими советами; всем служи, как служит раб своему господину, и других прав в жизни не ищи». Буддизм предписывает даже любовь ко врагам; по крайней мере дианчи, при вступлении в звание анахоретов дают обет – и самых лютых врагов считать своими друзьями. Обязанности к самому себе: «Всячески бодрствуй над собою, чтоб не дать в себе места действиям, омрачающим душу или тело; смотри на себя как на сосуд нечистый, сокрушенный и отверженный и не только добрые дела, но и

самую мысль о добре приписывай помощи вышней; делом, словом и мыслию воздерживайся от греха и насаждай в себе добродетель, чтобы таким образом мало-помалу перейти из греховного состояния в состояние свободы; а для этого непрестанно помышляй о богах и помни, что, где бы ни находился, ты всегда пред очами их; все заботы и попечения направляй к достижению наивысшего совершенства».

Грехи разделяются на три разряда: смертные, близкие к смертным и черные грехи. Грехи смертные: богохульство, отцеубийство, убийство праведника, дерзость против перерожденцев, «разлучение друг от друга тех, которые, посвятив жизнь свою на служение богу, связали себя взаимными священными обетами». Грехи, близкие к смертным: разорение святилища, отнятие у благочестивого человека средств к деланию добра, кощунство над людьми духовного сана, расстройство в деле совершения священных обрядов веры, отнятие у пустытника последнего куса хлеба. Черные грехи: умерщвление животного, присвоение чужого, порабощение грубой чувственности, ложь, сплетничество, осуждение, злое речие, зломыслие, зависть, презорство.

Взвешивая человеческие действия, буддизм принимает во внимание различные обстоятельства, при которых они совершены, и их цель, а равно субъект и объект, и, соображаясь с их относительной важностью, определяет за них меру возмездия. Вообще же от доброго дела он требует всех условий нравственного добра, а чтобы делу быть худым, считает

достаточным и того, если одно какое-нибудь условие дурно.

Буддизм, предписывая своим последователям различные правила нравственности и указывая им на высокую цель, к которой каждый должен стремиться, с точностью определяет и самый путь, которому человек должен следовать при постепенном восхождении на предназначенную для него высоту. Всех степеней нравственного совершенства буддисты насчитывают шесть. Находясь на первой из них, человек сознает свою нравственную порчу и нужду в исправлении, но не имеет еще в себе достаточно силы, чтобы противостоять злу. Вступив на вторую степень, он уже не увлекается более прелестями мира и оплакивает житейскую суету. К третьей степени принадлежат те, которые, совершив с успехом путь житейского странствования, опять возвратились на землю для дальнейшего самоусовершенствования и споспешествования в том другом. Достигшие следующей степени исполнили уже все нравственные обязанности и, оставаясь на земле, с наслаждением предаются мудрости и благочестию. Возвысившиеся до пятой степени торжествуют полную победу над злом и проникают в таинства природы; а взошедшие на последнюю степень видят пред собою отверстыми врата нирван, вводятся в мир чудес и перерождаются в существа одной природы с Буддами.

Чтобы облегчить для человека восхождение на такую высоту, буддизм дает ему вспомогательные средства. Эти средства двоякого рода: обыкновенные и чрезвычайные. К пер-

вым принадлежат: молитва, чтение священных книг, пост и удаление от мира. К чрезвычайным средствам относятся таинства. Кроме обыкновенных молитв, которые читаются и поются при богослужении, равно как и тех, которые составлены на особые случаи в жизни, у буддистов есть еще молитва, состоящая из шести таинственных слов (*ом, ма, ни, бад, ме, хом*), истекших из уст Абуды при устройении судеб мира. Эта молитва должна непрестанно быть в сердце и устах истинного ревнителя благочестия. Для облегчения молитвенных подвигов у буддистов существует особая религиозная принадлежность – *курду*. Это не что иное, как шестисторонний цилиндр, вращающийся на оси. Цилиндр этот обвивается сколько можно более бумажными свитками, на которых тысячу раз повторяются одни и те же молитвы, а в центр цилиндра вставляются иногда священные книги. Буддисты думают, что достаточно одного оборота *курду*, чтобы заменить труд чтения этих книг и тысячекратное повторение написанных молитв. Кроме молитвы и чтения св. книг, средством к нравственному преуспеянию служит пост. Буддизм обязывает своих последователей поститься по крайней мере однажды в год, соблюдая при этом особо установленные, весьма строгие правила. С постом соединяется обыкновенно раскаяние во грехах; но исповедь пред священником не считается обязательною, хотя и не возбраняется. Девственницам и удаляющимся от мира, кроме самого строгого поста, предписываются еще некоторые другие способы умерщ-

вления плоти.

Счастлива та душа, которая воспользовалась всеми этими средствами и с успехом прошла жизненное поприще: ее ожидает впереди неисчерпаемое блаженство в высших пределах мира. Но кто пренебрегал на земле своим нравственным очищением и необузданно предавался страстям, тот снизойдет в темное царство Чойжила, чтобы терпеть там почти нескончаемые муки.

Понятия буддистов о загробной жизни весьма интересны, и уже по одному этому мы никак не можем не коснуться их.

В час разлуки с телом душа человеческая видит уже перед собою сонм духов, из которых одни грозны, а другие светлы и прелестны. Эти духи тотчас препровождают ее на суд к Номун-хану, который тщательно разбирает всю ее земную жизнь. Суд продолжается сорок дней. В заключение Номун-хан ставит подсудимую перед зеркалом, в котором отражаются все и самые сокровенные ее свойства. По окончании всего этого он произносит приговор, определяющий всю последующую ее судьбу. В удел закоснелым грешникам достается ад. Он находится в центре земли и состоит из нескольких отделений, из которых самое главное – геенна, предназначенная для учинивших смертные грехи. «Она наполнена расплавленным чугуном, и в этой-то массе носятся грешники, то погружаясь до дна, то всплывая на поверхность. При каждом погружении тела их сгорают до костей, а с каждым всплывом возрождаются опять для новых мучений. Продол-

жительность этих мучений определяется мерою, содержащею 8 куб. сажень гунжита, зерна которого вынимаются из сосуда чрез сто лет по одному» («Буддизм» арх. Нила, стр. 209). Для тех же людей, которые не учинили тяжких грехов и виновны в одних только слабостях, предназначены мытарства. Здесь распоряжаются стихийные духи. Они проводят вверенную им душу из одного мытарства в другое, подвергая ее всякого рода коварствам и обольщениям, и в этом томлении держат ее до тех пор, пока она не погрузится в мертвое бесчувствие, от которого воскресает уже совершенно чистою и устремляется в мир перерождений. Прошед ряд перерождений, душа вводится в царство Сукавади. Обновленную душу встречают здесь радостными кликами служебные духи и приводят ее к восседающему на престоле Будде, который утешает ее и назначает ей место, сообразное с ее достоинством.

Покончив с нравственно-догматическим учением, скажем несколько слов об обрядовой части буддизма.

Совершителями священных обрядов у буддистов, как и везде, являются жрецы. Они составляют собою целую иерархию, во главе которой стоят Далай-лама и Баньчень-богдо. К прочим членам ламской иерархии принадлежат: убаша, ховарак, гецул, гелун, ширету, бандида-хамбо, шаваран, хубилган и хутукту. Убаша занимают средину между клириками и мирянами. Они не служат в капище, но все-таки принимают посвящение и новое имя. Как слабые и неопытные, они

состоят обыкновенно под надзором пожилых лам. Убаши не что иное, как послушники. Должность причетников исправляют ховараки, или баньди. Гецул, по служебному значению, равняется с диаконом («Буддизм» арх. Нила, стр. 70–72). Ему дается помощник *quasi* иподиакон. В старину бывали и диаконисы, но теперь это не допускается. Гелуны вполне соответствуют нашим священникам. Начальник капища называется ширету. Для почета при богослужении он имеет прислужников. Ширету имеет право посвящать во все низшие звания. Это лицо походит на наших архиереев. Бандида-хамбо занимает самое высшее место между духовными лицами из разряда смертных. За ним начинаются уже перерожденцы. Они живут между людьми для того только, чтобы исполнять предопределения высших существ. Все эти лица имеют свое особое посвящение. Посвящение в низшие степени совершается обыкновенно следующим образом: посвящаемый при входе в капище кладет три земные поклона перед идолами, затем подводится к ширету, становится на колени и произносит обеты под прикрытием священной одежды ширету. После этого обряда ему вручаются четки, пояс и другие принадлежности облачения. Наконец совершается пострижение, и новопоставленному дается новое имя. Он тотчас же причисляется к какому-нибудь капищу, если только он не убаши, и начинает отправлять священные службы. Службы в капище совершаются три раза в день: утром, в полдень и вечером, и состоят из чтения священных книг и молитв, пения

и жертвоприношения. На утренней и вечерней службе, кроме обыкновенных жертвоприношений, приносится еще мандза – жертва за живых и умерших. Утренняя служба, сверх того, имеет еще что-то вроде вступления или приготовления к службам дня. Приготовление это совершается обыкновенно так: по пробитии в харонгу готовящиеся к служению жрецы, облекшись в священные одежды, отправляются, в предшестве ширету, к капищу, читая мысленно молитву. Достигнув капища, они останавливаются на крыльце и трижды произносят монотонно: «Многомилостивый господи, отверзи нам двери» и пр. («Буддизм» арх. Нила, стр. 115). Затем перед ними гебгой отворяет двери, и они входят в капище. Этим оканчивается приготовление к службе. У буддистов каждому дню усвоены особые чтения и пения, но обряды всегда одни и те же. Кроме обрядовых действий, входящих в состав постоянных служб, совершаемых в капищах, есть еще обряды, приспособленные к разным случаям человеческой жизни и совершаемые вне капищ. К таким обрядам принадлежат: милангор, или молитва, читаемая над младенцем в третий день после его рождения, брачные обряды, призыв души или заклинание, произносимое против демона, овладевшего душою человека, искуп жизни или духовное уврачевание одержимого тяжкою болезнию и, наконец, проводы души, или обряд погребения. Все эти действия весьма интересны, но мы не имеем времени останавливаться на каждом из них и скажем только два слова о последнем,

как самом важном. Тотчас по смерти покойника одевают в приличную одежду и кладут его на правый бок, закрыв лицо хадаком. Уложив мертвеца, зажигают пред ним курительные свечи и принимаются за чтение молитвенной книги Дзотбо, которое и продолжается до ближайшего из счастливых дней. В этот день бывает вынос покойника. Во время шествия к месту могилы провожающие читают мысленно молитву. Затем совершается рытье, освящение могилы и самое отпевание. При этом читается множество молитв и заунывно поется стих: «Божественный Абида! по милости своей наставь на путь усопшего: ибо у тебя одного место успокоения» («Буддизм» арх. Нила, стр. 47). Покойник полагается в могиле лицом на запад. «За погребением следует длинный ряд поминок и жертвоприношений. У зажиточных людей исправляются они в течение 49 дней, поутру, в полдень и вечером. А люди с малым состоянием обязаны исполнить поминовение по крайней мере три раза: в 3-й, 7-й и 49-й день».

Этим мы оканчиваем обозрение буддизма. Нельзя не сознаться, что и в догматах, и в нравственном учении, и в самих обрядах он имеет много сходного с христианским учением. Но это обстоятельство не должно нисколько смущать нас: напротив, мы должны радоваться этому в том убеждении, что на более подготовленной почве легче и скорее может приняться семя истинного слова божия... Тем более мы должны радоваться этому, так как и в пределах нашего отечества мы имеем последователей ламайской веры, которых

теперешние понятия могут облегчить нашему духовенству распространение между ними христианства.

Примечания

Впервые – «Совр.», 1858. № 11. отд. II, стр. 51–64, без подписи. Вошла в изд. 1862 г., т. II, стр. 357–370.

В своей рецензии Добролюбов, излагая и разбирая учение буддизма, стремился в подцензурных условиях выразить материалистические взгляды на происхождение и сущность всякой религии, в том числе и христианства. В соответствии с этим замыслом Добролюбов подчеркивает те стороны в буддизме, которые сближают его с христианством. Данный замысел рецензента подтверждается и тем фактом, что в тексте «Современника» Добролюбову пришлось (из-за цензурных соображений) заменить некоторые формулировки, так как в них сближение буддизма с христианским вероучением и обрядами подчеркивалось особенно откровенно. Так, в выражении «монашествующее братство» оставлено только «братство»; вместо «исповедь перед священником» поставлено «исповедь перед жрецом»; во фразе «уташи занимают средину между клириками и мирянами» пришлось вставить «ламскими клириками и священниками»; вместо «диаконысы» заменено «женщины»; после фразы о шкретах вычеркнута параллель: «Это лицо походит на наших архиереев». Все эти цензурные замены и искажения Чернышевскому удалось устранить в изд. 1862 г. Однако и в тексте «Современника» содержалось достаточно ясное для читателя заключе-

ние о буддизме. «Нельзя не сознаться, – говорится в конце рецензии, – что и в догматах, и в нравственном учении, и в самих обрядах он имеет много сходного с христианским учением». Последующие строки о распространении христианства продиктованы, разумеется, лишь цензурными соображениями.